

## Современный патернализм как продукт мейнстрима: социальные проблемы, индивидуальные решения

*Т.В. ЧУБАРОВА\**

**\*ЧУБАРОВА Татьяна Владимировна** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН. Адрес: Москва, 117218, Нахимовский пр., 32. E-mail: [t\\_chubarova@mail.ru](mailto:t_chubarova@mail.ru)

В статье анализируются вопросы, связанные с растущим интересом к патернализму в экономической теории и социальной практике. Рассматриваются противоречия включения категории патернализма в теоретические изыскания мейнстрима и неизбежность в связи с этим изменения его трактовки как на уровне теоретических оснований, так и предлагаемых на их основе мер общественного регулирования. В связи с этим рассматривается эволюция подходов к пониманию социальной проблемы и, соответственно, методов, которые возможно использовать для повышения благосостояния граждан. Сделан вывод о том, что современный патернализм, развивающийся в рамках мейнстрима, в конечном итоге служит фундаментом мер социальной политики, основанных на повышении индивидуальной ответственности человека за свое благосостояние.

**Ключевые слова:** современный патернализм, мейнстрим, мягкий патернализм, социальная проблема, социальный риск, индивидуальная ответственность, подталкивание.

**DOI:** 10.31857/S086904990007562-0

**JEL:** A10, B59, D70

**Цитирование:** Чубарова Т.В. (2019) Современный патернализм как продукт мейнстрима: социальные проблемы, индивидуальные решения // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 27–39. DOI: 10.31857/S086904990007562-0

## Modern Paternalism as a Product of Mainstream: Social Problems, Individual Solutions

*TATIANA V. CHUBAROVA\**

**\*Tatiana V. Chubarova** – Senior Research Fellow, Head, Center for Economic Theory of Social Sector, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 32 Nakhimovsky Av., Moscow, Russian Federation, 117218. E-mail: [t\\_chubarova@mail.ru](mailto:t_chubarova@mail.ru)

**Abstract.** The article analyzes issues related to the growing interest in paternalism in economic theory and social practice. The contradictions of incorporating the category of paternalism into the theory by the mainstream economics and the inevitable changing in this connection of its interpretation at the level of both theoretical foundations and social regulation are examined. In this regard, the evolution of approaches to understanding social problem and, accordingly, methods that should be used to improve the welfare of citizens is considered. Behavioral approach is not limited to nudging and manifests itself in a broader sense. On the wave of its popularity, at least in theory, the idea of “deservingness” is coming back and connected with it expansion of the so-called conditional social programs most often used in combating unemployment and poverty. It is concluded that modern paternalism, developing within the mainstream, ultimately serves as the basis for social policy measures based on increasing individual responsibility of a person for his/her well-being.

**Keywords:** modern paternalism, mainstream, soft paternalism, social problem, social risk, individual responsibility, nudging.

**DOI:** 10.31857/S086904990007562-0

**JEL:** A10, B59, D70

**Citation:** Chubarova T. (2019) Modern Paternalism as a Product of Mainstream: Social Problems, Individual Solutions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 27–39. DOI: 10.31857/S086904990007562-0 (In Russ.)

Патернализм в настоящее время широко используют для обоснования вмешательства государства в жизнь граждан. Причем подходы к его пониманию довольно разнообразны и могут быть ранжированы по степени участия государства – от жесткого до мягкого варианта. Если жесткий патернализм связан с прямым государственным вмешательством, то мягкий – скорее с косвенными мерами, часто незаметными для рядового гражданина.

Причины такого интереса к патернализму со стороны мейнстрима представляются интересными. Ведь либеральные теории, основанные на принципе методологического индивидуализма, традиционно выступают против вмешательства государства в дела граждан. Но сам факт пробуждения интереса к патернализму в рамках мейнстрима подводит к мысли, что в каких-то ситуациях можно поступиться принципами и включить в свою орбиту положения конкурирующих теоретических подходов.

В данной статье будут рассмотрены некоторые вопросы, связанные с анализом общих проблем, обуславливающих принятие мейнстримом риторики патернализма, ее инкорпорации в рассуждения о взаимоотношениях человека и государства. В качестве примера проанализировано изменение подходов к пониманию того, какие проблемы следует рассматривать как социальные. А это, в свою очередь, ведет и к изменению методов, предлагаемых на политическом уровне для их решения. В данном контексте представляется важным рассмотреть механизмы, предлагаемые современным патернализмом с целью повышения благосостояния граждан, но при этом ведущие к усилению тренда на повышение индивидуальной ответственности человека за свое благосостояние.

### Патернализм и мейнстрим – кто более теории дорог?

Патернализм развивается и как теория, и как практика. Как теоретическая концепция он ставит целью оправдание вмешательства в жизнь человека, если такое вмешательство ставит целью улучшение его благосостояния [Grill 2012]. Причем если в теоретических дискуссиях больше проявляются этический, философский и даже правовой аспекты патернализма, то в практических вопросах – скорее экономический. В этом контексте исследователи пытаются ответить на два вопроса, а именно, каковы цели патерналистских мер, на решение каких проблем они направлены, с одной стороны, и какие механизмы, в том

числе экономические, могут при этом использоваться (или, точнее, допустимо использовать) с тем, чтобы обеспечить оптимальный результат вмешательства государства.

В конце XX в., когда неолиберализм господствовал в общественном сознании и научной среде, патернализм принял явно отрицательную коннотацию. Мейнстрим относился к этой концепции отрицательно, считая, что у нее нет теоретических оснований. Это было справедливо в том смысле, что патернализм не соответствовал основным постулатам мейнстрима. Как представляется, такому подходу способствовал и закат социализма – ведь именно социалистическое или, точнее, советское государство рассматривалось западными исследователями как воплощение государственного патернализма в худшем смысле этого слова [Fehér 1982; Weigle 1994].

Однако в начале XXI в. наблюдается ренессанс интереса к патернализму среди представителей мейнстрима, которые стали использовать это понятие. При этом, возможно, для того, чтобы в какой-то мере отмежеваться от традиционного понимания патернализма, появились его различные градации. Присуждение в 2017 г. американскому исследователю Р. Талеру Нобелевской премии за вклад в изучение поведенческой экономики, исследование последствий “ограниченной рациональности, социальных предпочтений и недостатка самоконтроля” узаконило такой подход, упрочило его позиции в экономической теории. По существу, речь идет о возможности существования не только “плохого”, но и “хорошего” патернализма.

В основе современного патернализма лежит положение о том, что государство, когда вмешивается в жизнь человека, пытаясь решить ту или иную проблему, должно учитывать особенности его поведения. Признается, что понимание реальности, основанное на человеке экономическом, рациональном акторе, стремящемся к максимизации своего благосостояния, реализации своекорыстных интересов, оказалось ограниченным. Скорее наоборот, действия человека довольно часто плохо укладываются в рамки классической рациональности мейнстрима. Поэтому необходимо учитывать мотивы поведения человека, чтобы добиться желаемого результата при меньшем вмешательстве.

Либертарианский патернализм как практическое применение положений поведенческой экономики “сохраняет свободу выбора, но требует и от частных, и от государственных институтов подсказывать людям направления, которые будут способствовать их благосостоянию” [Sunstein, Thaler 2003, с. 179]. Это, по мнению сторонников поведенческой экономики, позволяет преодолеть такие отрицательные стороны патернализма, как возможность явного принуждения, неспособность государства правильно оценить, какие его действия социально оправданы, а какие – нежелательны, а также решить проблемы с внедрением соответствующих мер на практике.

Однако такие преимущества мягкого или либертарианского патернализма не снимают проблему, общую для всех видов патернализма: патернализм любого вида подразумевает вмешательство в выбор человека. Критиками отмечается и ряд более прикладных моментов, которые могут возникнуть в ходе реализации положений поведенческой экономики в процессе регулирования, в том числе этические вопросы. Например, должно ли государство скрытым образом влиять на поведение людей и можно ли в этом случае избежать злоупотреблений? Используют также метафору “скользящая кривая”, подразумевая, что стоит только начать и меры пойдут по пути ужесточения [Kirchgaessner 2015]. Причем сторонники такой позиции ссылаются на положения самого либертарианского патернализма, так как вполне вероятно, что те, кто принимают решения, сами подвержены иррациональности, в том числе “головокружению от успехов”, то есть они могут переоценить выгоды и недооценить затраты [Juurikkala 2013].

Противники современного патернализма в рядах мейнстрима сомневаются в том, что он может быть использован для объяснения желательности вмешательства государства. Более того, они утверждают, что из поведенческой экономики, которая рассматри-

вается как основа современного патернализма, вовсе не вытекает такая необходимость. Часто при этом ссылаются на Р. Коуза, который показал, что можно интернализировать внешние эффекты, не прибегая к посредничеству государства. Вмешательство появляется именно тогда, когда ставится вопрос о практическом применении результатов поведенческой экономики и она превращается в политику.

Современный патернализм пытается найти механизмы для разработки политики, основанной на эмпирических доказательствах (*evidence based*), для более эффективно-го решения социальных проблем современного общества. С одной стороны, он вырос из эмпирических исследований, экспериментов, делает попытку реализации принципов междисциплинарности, а с другой – претендует на практическую направленность. В целом его можно рассматривать как признание того, что для решения проблем благосостояния человеку может понадобиться помощь “третьих лиц”. Возможно, именно для того, чтобы подчеркнуть эту направленность поведенческой экономики, слово “патернализм” стало использоваться в мейнстриме.

Следует отметить, что и современные российские исследователи не обошли вниманием проблемы патернализма. Причем наряду с появлением работ, содержащих обзор и анализ различных к нему подходов, можно выделить и более авторские разработки, “вырастающие” из российской действительности. Последняя выстраивается на основе сильных традиций государственного регулирования жизни общества, будь то имперская или советская Россия.

А. Рубинштейн и А. Городецкий подчеркивают, что категории нерациональности появляется только тогда, когда поведение индивидуума оценивается с точки зрения внешнего источника, который имеет собственные предпочтения [Рубинштейн, Городецкий 2018]. Они давно продвигают идею о существовании интереса общества как такового, не сводимого к предпочтениям экономических агентов. На этой основе предлагается общее определение патернализма и анализируются риски его негативных последствий. Важное место в исследованиях вышеуказанных авторов занимает концептуализация государства как племейкера, который институционально обеспечивает формирование своих патерналистских установок как нормативного общественного интереса. При этом выделяется “патерналистский провал” государства, в котором сочетаются изъяны общественного выбора и нерациональные действия бюрократии. Доказывается, что в отличие от провалов рынка и связанной с ними государственной активности патерналистские провалы государства могут быть сглажены институтами гражданского общества и самоорганизации граждан за счет их влияния на формирование нормативных установок и ограничение произвола бюрократии.

Н. Плискевич рассматривает патернализм как органическую часть отношений в любом сообществе. Это, на мой взгляд, снимает проблему противопоставления патернализма и либерализма. Она пишет о необходимости разделять коллективизм “сверху” как форму государственной опеки и коллективизм “снизу” как форму самоорганизации общества [Плискевич 2019].

В контексте современного патернализма важно понимать соотношение между повышением индивидуального благосостояния и коллективным воздействием. В каждом конкретном случае встает вопрос: нужно ли вмешательство государства для решения проблем граждан, связанных с их личным благосостоянием? Ведь патерналистские действия государства создают противоречие между двумя важнейшими ценностями современного демократического общества – индивидуальной свободой и обеспечением благосостояния граждан. Вопрос в том, насколько ограничения автономии гражданина могут быть оправданы повышением личного благосостояния. Так, Дж.Ле Гранд и Б. Нью утверждают, что люди часто демонстрируют “неудачу рассуждений”: неспособность достичь поставленных целей. Такие случаи идеальны для патерналистских вме-

шательств – хотя они могут посягать на автономию, их влияние может быть перевешено улучшением благосостояния [Le Grand, New 2015].

В этом контексте следует отметить два аспекта, один из которых напрямую связан с экономикой, а другой – с политикой. Например, должно ли государство вмешиваться, если граждане добровольно своими действиями ставят под угрозу собственное благосостояние, как в случае заведомо рискованного поведения (езды на мотоциклах без шлемов или курения)? [Anker 2016]. Ответ на этот вопрос во многом зависит и от финансовых аспектов. Если человек платит за все сам, не претендует на общественные средства, должно ли государство опекать его, давать советы, регулировать поведение? В таком случае ответ на поставленный вопрос скорее положительный. Когда же человек получает общественные средства (читай – деньги налогоплательщиков), тогда требование соблюдать правила и следовать государственной политике становится логичным.

Существенной проблемой для теории и практики различных типов патернализма, на мой взгляд, являются механизмы принятия решений. Насколько правомерно в условиях развития гражданского общества, общественных дискуссий, голосования говорить о патернализме государства или все-таки речь должна идти о патернализме большинства. Но тогда как быть с выбором меньшинства, должен ли он быть как-то учтен при принятии решения?

Индивидуальные предпочтения рассматриваются в системе взглядов мейнстрима как единственно социально приемлемые, и поэтому вмешательство государства нуждается в оправдании. Обычно при этом ссылаются на необходимость преодоления “провалов рынка” в случае внешних эффектов или общественных товаров. Однако данные теории признают индивидуальные предпочтения, а предлагаемые ими меры направлены на то, чтобы действия граждан не оказывали непредвиденного влияния на действия других людей, третьей стороны и были учтены в социальных издержках. Более того, речь не идет об общественной оценке таких действий – с этим связан принцип компенсации. Если действия индивида влияют на третье лицо, важно, чтобы они были компенсированы, а не прекращены.

Однако ситуация меняется, если вспомнить теорию мериторных благ Р. Масгрейва. Она критикуется многими сторонниками мейнстрима как оправдывающая патернализм. Однако, по существу, мягкий или либертарианский патернализм предлагает похожее – вмешательство государства, нарушающее суверенитет потребителя. Хотя методы такого вмешательства различные, они не снимают вопроса о вмешательстве как таковом. Тем более, что мериторные блага тоже можно продвигать “мягкими” мерами. Однако сейчас эта идея гораздо менее популярна и обсуждаема в мейнстриме, чем разнообразный патернализм. Возможно потому, что последний более приемлем, так как изменяет некоторые подходы и на теоретическом, и на практическом уровне в сторону постулатов мейнстрима. В этой связи следует выделить две проблемы – учет предпочтений граждан и влияние на третьих лиц, – на которые мериторики и современный патернализм дают разные ответы.

Современный патернализм настаивает на выявлении индивидуальных предпочтений или, точнее, на помощи гражданам в принятии решения в своих интересах. Мериторики ставят задачу изменения поведения человека в направлении, которое признается обществом выгодным не только для него, но и для общества. В такой ситуации появляются уже не только индивидуальные, но и общественные предпочтения, которые Масгрейв обозначил как *community preferences*. Эта идея нашла свое развитие и в работах других исследователей, будь то идея социодинамики о наличии интереса общества, не сводимого к интересам отдельных его членов [Рубинштейн 2008], или идея *collective self-binding* [Brennan, Lomasky 1983].

Другой вопрос связан с проблемой третьей стороны – мейнстрим настаивает, что патернализм не должен затрагивать третьих лиц. Так, выделяется чистый и несовершенный

патернализм именно на основании такого подхода: как раз несовершенный патернализм связан с тем, что при принятии патерналистских мер государство заботит не столько (и не только) благополучие человека, сколько влияние его поведения на окружающих и, возможно, на общество [Cserne 2012]. Более того, асимметричный патернализм постулирует, что меры, особенно ограничительного характера, не должны влиять на тех, кто ведет себя правильно, наказывать их, тем самым снижая их благосостояние. В мериторике, наоборот, решения принимаются с учетом реализации общественных интересов или, более точно, обеспечения удовлетворения потребностей граждан на уровне, который общество считает необходимым по тем или иным причинам.

Как представляется, объяснение такой ситуации лежит в целенаправленности вмешательства. Мериторика подразумевает вмешательство государства для решения проблемы, а современный патернализм исходит, скорее, из необходимости создания условий для изменения поведения человека. При этом определенное лукавство современного патернализма состоит в том, что хотя он настаивает на том, что вмешательство осуществляется, чтобы люди следовали своим истинным интересам, сама постановка вопроса о нерациональности поведения неизбежно ставит классический вопрос “а судьи кто”? То есть в любом случае должен быть внешний оценщик, иначе на ум приходит только “невидимая рука” – этот загадочный инструмент мейнстрима, выручающий его в любых ситуациях.

Современный патернализм не связан ни с защитой одного человека от другого, ни с помощью людям коллективно достичь того, чего они не могут добиться индивидуально [Le Grand, New 2015]. Он формирует сугубо индивидуальные взаимоотношения между личностью и государством и может быть именно поэтому принят мейнстримом. При этом размываются основы социальности, на которой строится социальная политика, в том числе связанные с перераспределением ресурсов в обществе. Примеры, которые приводят Р. Талер и С. Санштейн в своих работах в основном касаются более частных вопросов, скорее напоминающих маркетинговые стратегии, но не выходят на понимание структурных проблем современного общества [Thaler, Sunstein 2008].

Данная дискуссия имеет очень важное практическое значение, так как нормативный характер социальной политики означает, что ее задача состоит не просто в объяснении мира, но и в изменении его. В самом широком смысле она включает общественное регулирование, которое изменяет поведение частных акторов для достижения поставленных политикой целей. Поскольку инструментом изменения поведения человека выступает мотивация, представления о его реакции на те или иные стимулы становятся ключевыми для формирования социальной политики.

Проблема ограниченной рациональности, когда ставится под сомнение существование в чистом виде “человека экономического”, делающего выбор исключительно на основе здравого смысла и максимизации собственной полезности, усложняет ситуацию, допуская различное толкование своекорыстия. “Противники программ социальной поддержки опасаются, что граждане в социальном государстве могут получить средства к существованию, не работая; это слишком большой соблазн, и многие, мотивируемые своекорыстием, предпочтут не работать. Или, наоборот, утверждается, что люди по своей природе заинтересованы в благополучии общества и всех его членов. Поэтому они будут не только работать, но и оказывать помощь нуждающимся, в результате последние, улучшив свое положение, начнут действовать так же по отношению к другим” [Чубарова 2015, с. 49].

Рациональность обретает форму общей методологии не только экономической науки, она имеет более широкое социально-философское значение. Вместе с тем подходы к ее пониманию, предлагаемые представителями разных дисциплин, не должны, на мой взгляд, противопоставляться друг другу, но поднимают вопрос о необходимости разработки общего понимания рациональности на основе взаимодействия отдельных теоретических направлений, в том числе позиции поведенческой экономики. Нужно формирование но-

вой рациональности, соответствующей современным реалиям общества как открытой саморазвивающейся системы, функционирующей в условиях неопределенности и изменений [Степин 2003].

### Социальная проблема: от понимания к решению

В настоящее время “социальная проблема” стала скорее зонтичным термином, в научной литературе она концептуализируется по разным векторам (см. табл.). Вместе с тем подходы к пониманию того, что такое социальная проблема, имеют очень большое практическое значение, так как от них зависит, какие меры будут предлагаться для ее решения. Причем эти подходы не взаимоисключающие, но соседствующие друг с другом.

Таблица

Подходы к пониманию социальной проблемы

|                                    | Социальная политика | Социальное управление                           | Рыночная экономика |
|------------------------------------|---------------------|-------------------------------------------------|--------------------|
| Понимание социальной проблемы      | потребность         | социальный риск                                 | спрос              |
| Способ решения социальной проблемы | социальное права    | ответственность (социальная или индивидуальная) | предложение        |

Источник: адаптировано по [Чубарова 2015].

Социальная проблема с точки зрения социальной политики понимается через *потребность*. Потребности, осознанные социальной группой, выступают как ее интерес. Они динамичны и изменчивы, и на базе уже удовлетворенных возникают новые. Государство, разрабатывая свою политику, заботится об обеспечении потребностей различных групп населения на основе их рациональной оценки. При этом модель потребления и уровень удовлетворения социально значимых потребностей в том или ином обществе зависит от многих факторов.

В контексте социального управления социальная проблема понимается через понятие *социального риска* как возможности изменения социального и/или материального положения человека ввиду наступления того или иного события, связанного с его благосостоянием. Социальный характер риска, таким образом, подразумевает, что он оказывает влияние на большие группы населения, часто напрямую не зависит от их поведения и поэтому может потребовать вмешательства общества. Примеры таких ситуаций довольно многообразны и имеют экономический (безработица), физиологический (временная или постоянная нетрудоспособность, беременность и роды, старость, смерть), профессиональный (производственная травма или профессиональное заболевание) или демографический (многодетные и неполные семьи, дети-сироты) характер.

В современных капиталистических государствах сохраняются такие традиционные проблемы, как бедность и неравенство. Однако социально-экономические изменения, связанные с переходом к постиндустриальному обществу, ведут к появлению новых групп риска, испытывающих снижение уровня благосостояния, но которые не относятся к традиционным клиентам государства всеобщего благосостояния, сформировавшегося в послевоенные годы [Taylor-Gooby 2011]. Складывающуюся в конце второго тысячелетия ситуацию У. Бек называет “вторая современность” или “общество риска” [Beck 1992].

Социальные перемены влекут за собой значительные изменения в структуры занятости и семьи, в устоявшиеся институты социального государства. Так называемые “новые социальные риски”, которые характерны для постиндустриального общества, как правило,

затрагивают женщин, молодых и низкоквалифицированных работников. Они могут быть сгруппированы по трем основным направлениям:

- сочетание семьи и работы, особенно в связи с уходом за детьми и престарелыми;
- недостаток знаний и умений, необходимых для получения устойчивой и адекватно оплачиваемой работы;
- потеря доступа к удовлетворительной социальной защите в ходе реструктуризации государства благосостояния, в том числе в результате расширения индивидуальной ответственности за удовлетворение социальных потребностей [Чубарова 2015, с. 40].

В настоящее время все большее распространение получает понимание социальной проблемы через категорию *спроса*. Спрос – по существу, требование индивида получить ту или иную социальную услугу, то есть социальные блага, становятся предметом обычной купли-продажи. Причем это может быть и не связано с реальной потребностью. Более того, при оказании ряда социальных услуг ввиду их личного характера спрос может порождаться предложением. Тут возможны и феномен избыточного потребления, и из-за асимметрии информации, и вследствие имущественного неравенства, равно как и неравные возможности для многих в удовлетворении реальных социальных потребностей.

Различия в понимании социальной проблемы позволяют выделить различные подходы к тому, как она должна быть решена. Удовлетворение потребностей населения неразрывно связано с *социальными правами* граждан. В современном развитом обществе обязательные социальные программы стали частью прав граждан. Т. Маршалл выделил три типа прав – гражданские, политические и социальные [Marshall 1950]. Гражданские права – равенство перед законом и индивидуальная свобода – появились в XVIII в. как права свободного человека вступать в контрактные отношения. Это было связано с развитием капитализма и необходимостью формирования рынка свободной рабочей силы. В свою очередь, такие изменения подготовили почву для введения политических прав, прежде всего избирательного права. На рубеже XIX–XX вв. получили распространение социальные права, постепенно расширявшие спектр своего влияния: от права на долю экономического благосостояния и безопасность до права жить в соответствии со стандартами, преобладающими в данном обществе.

Социальные права были закреплены в Декларации прав человека ООН в 1944 г. и в настоящее время включены в конституции и законодательные акты многих стран мира, включая Россию. Вместе эти права формируют основу социальной солидарности и полного гражданства в современном обществе. Достаточные экономические ресурсы, соответствующее образование, медицинское обслуживание и жилье необходимы для того, чтобы воспользоваться гражданскими и политическими правами.

Трактовка социальной проблемы как риска предполагает активизацию дискурса об *ответственности* – как социальной, так и индивидуальной. Социальная ответственность возникает на основе социальных норм и реализуется через формы социального контроля (общественное мнение, устав, закон) и через понимание субъектами своей общественной роли. Причем социальная ответственность не обязательно имеет вертикальную иерархическую структуру, связанную с исполнением определенных обязанностей, а включает широкие горизонтальные связи, соединяющие элементы общества тесными и часто неформальными узами.

Важно осознать: проблема благосостояния индивида более эффективно решать коллективно за счет объединения и перераспределения ресурсов и рисков. Однако в последние годы важной тенденцией стало переосмысление роли различных социальных институтов и акторов в удовлетворении социальных потребностей граждан и определение путей разделения социальной ответственности между ними. С экономической точки зрения это проблема установления границ перераспределения, с социальной — пределов солидарности. Источниками социального благосостояния могут выступать различные субъек-

ты – семья, государство, работодатель, благотворитель. При этом важно, что они осознают свою “социальную” роль, и требуется определить пределы их компетенции в социальной сфере. На фоне технологических инноваций происходит не просто усиление рисков, вызванных социальными причинами, но субъекты социальной ответственности и институты социального государства привлекаются к ответственности за эти риски.

У. Бек утверждает, что в современную эпоху общественное производство богатства систематически сопровождается общественным производством рисков [Beck 1992]. Связанные с этим изменения в институциональной структуре занятости и семьи, создавая больше возможностей для организации жизни людей, одновременно ведут к увеличению неопределенности социальной жизни. Традиционные структуры поддержки ослабевают, это ведет к росту индивидуализации, повышению личной ответственности [Zinn, Taylor-Gooby 2006].

В рамках социальной ответственности приоритет отдается механизмам социальной солидарности и коллективной ответственности. Эксперты обсуждают вопрос о том, что в современных условиях происходит размытие солидарности. Повседневные жизненные риски стали пониматься как проблемы личной несостоятельности и (без)ответственности, а не как социальные проблемы, которые необходимо решать с помощью коллективных действий. Соответственно, изменения в политике подчеркивают индивидуальную ответственность и инициативу. Таким образом, общество риска разрушает традиционную солидарность государства всеобщего благосостояния, однако остается открытым вопрос в том, способно ли оно создать основу новой солидарности для поддержки уязвимых групп [Taylor-Gooby 2011].

Понимание социальной проблемы как риска ведет к повышению важности упреждающей, или превентивной, функции социальной политики. Перед ней ставится задача не допускать возникновения кризисных ситуаций на основе понимания происходящих в обществе социально-экономических процессов, обеспечить эффективную защиту граждан от новых социальных рисков, сглаживать негативное влияние модернизации на определенные группы населения. В результате социальная политика может рассматриваться как менеджмент социальных рисков [Neubourg, Weigand 2000].

Если социальная проблема понимается как удовлетворение спроса, то логично, что решаться она должна через расширение *предложения*. Один из основных способов здесь – развитие частного и некоммерческого сектора на основе выбора потребителя. Выбор продвигается в социальной политике во многих странах, часто на основании предположения того, что это будет мотивировать производителей и в результате приведет к повышению качества и эффективности оказываемых ими услуг. Но это неизбежно сталкивается с неравенством граждан и их возможностью осуществить выбор на практике (подробнее см. [Чубарова 2015]).

### **Индивидуальные решения социальных проблем**

В настоящее время решение социальных проблем эволюционирует в направлении повышения индивидуальной ответственности, и на этом фоне изменяются задачи и механизмы социальной политики. Скорее, речь идет о государственной поддержке решения индивидуальных проблем. Важно рассмотреть, какие ориентиры в этом контексте задает современный патернализм как одно из влиятельных течений мейнстрима. Признается, что без государства невозможно обеспечить устойчивое экономическое и социальное развитие общества, однако важно понимание того, что такое эффективное государство.

Международный опыт показывает, что происходит изменение форм и методов участия государства в решении вопросов жизнедеятельности общества. Реформа общественного сектора становится важной проблемой во многих странах, ищущих пути модернизации си-

стем государственного управления и улучшения качества услуг в контексте национальных и глобальных вызовов. Причем основное направление таких изменений связано с усилением влияния рыночных принципов на работу государственного сектора, а именно:

- введение механизмов рыночного типа в работу государственного сектора (новое государственное управление);
- сужение сферы государственного сектора, приватизация государственного имущества и развитие частного сектора в социальной сфере;
- совместная работа – государственно-частное партнерство или система социального заказа, когда частный сектор работает по заказу государства (подробнее см. [Чубарова 2015]).

Вышеуказанные направления в той или иной форме подразумевают участие государства в решении социальных проблем на уровне управления и финансирования. Однако нельзя не упомянуть и деятельность бизнеса, которая если и поощряется государством, то в основном на уровне налоговой и моральной поддержки. Это корпоративная социальная ответственность (КСО); социальная ответственность работодателей (СОР); благотворительность; социальное предпринимательство.

Важно, что коллективные решения в сфере социальной политики основаны на перераспределении ресурсов. Именно на этой основе возникают социальная солидарность и социальная справедливость. Экономическое объяснение социальных вопросов содержит существенный социальный и этический компонент. Мобилизация и распределение ресурсов здесь во многом определяется такими социальными ценностями, как солидарность и справедливость.

Однако в последнее время речь идет о достижении баланса между индивидуальной и коллективной ответственностью, обязательными и добровольными социальными программами. В контексте данного подхода социальное обеспечение должно перераспределить свои задачи и ресурсы, направив усилия на решение проблем прежде всего тех граждан, которые наиболее подвержены социальным рискам. В результате усиление индивидуальной ответственности за решение социальных проблем развивается по двум направлениям – по линии дополнительных социальных программ для состоятельных людей, в том числе на чисто коммерческих условиях, и по линии усиления внимания к образу жизни, отношению самого человека к социальной проблеме при оказании ему общественной поддержки.

В арсенале разных видов патернализма есть различные меры. Если жесткий патернализм ассоциируется с прямыми запретами или предписаниями (например, обязательная вакцинация или медицинское страхование), то мягкий патернализм скорее использует соответствующее информационное обеспечение решений, чтобы преодолеть асимметрию информации. Важная роль отводится тому, как предоставляется соответствующая информация, или так называемой архитектуре выбора. При этом принимаемые меры должны быть легкообходимыми и малозатратными. Где-то посередине располагаются такие финансовые механизмы, как налоги или субсидии, которые в целом оставляют за человеком выбор, но делают данный механизм более затратным. То есть государство или прямо предписывает человеку, как себя вести, или создает условия, подталкивающие его к правильному выбору, правильному для себя, а в итоге и для общества. Однако эксперты отмечают, что возможности успешного применения мягких патерналистских мер довольно ограничены [Kirchgaessner 2015]. Этот тип механизмов социальной политики ныне наиболее широко обсуждается. Например, супермаркеты рассматриваются как “среда выбора”, где можно легко привлечь внимание к определенным продуктам. Другая ситуация – эффективность “механизмов по умолчанию” в обеспечении потребности в донорских органах. Система предполагаемого согласия означает, что люди соглашались на использование своих органов после смерти, если они специально не откажутся от этого. Еще одна ситуация связана с электронными сигаретами как устройствами, потенциально полезными для оказания помощи курильщикам. Главная идея состоит в том,

что гораздо легче мотивировать граждан скорректировать укоренившееся поведение, чем заставить полностью его изменить, отказаться от него. Однако остается проблема устойчивости изменения поведения – как люди не ведут себя уже в отсутствие стимулов.

Подталкивание стало основой для разработки практических мер на основе сочетания постулатов психологии, когнитивной науки и социальных наук с эмпирически проверенными результатами. Основная идея заключается в том, что эффективная государственная политика в настоящее время может быть разработана только на основе понимания причин реального поведения людей и, соответственно, должна использовать данные поведенческих и социальных наук. Так, в рамках ОЭСР был предложен специальный алгоритм для применения данного подхода по всему циклу принятия политического решения – *BASIC (Behaviour, Analysis, Strategies, Intervention, and Change* – поведение, анализ, стратегии, интервенции и изменение).

Наиболее известной практической инициативой в этой области стало создание в Великобритании специальной команды поведенческого анализа (*the Behavioural Insights Team, BIT*). Цель ее деятельности – использование результатов академических исследований в области поведенческой экономики и психологии для разработки государственной политики. Задача состоит в том, чтобы: сделать общественные услуги более экономичными и удобными для использования гражданами; повысить результаты, ориентируясь на более реалистичную модель поведения граждан и тем самым обеспечивая им возможность сделать “лучший выбор для себя” (<https://www.gov.uk/government/organisations/behaviouralinsights-team>).

Однако поведенческий подход не ограничивается подталкиванием – он проявляется и в более широком плане. На волне популярности – хотя бы на уровне теории – поведенческого подхода происходит возвращение понятия “заслуженности” и связанное с этим расширение так называемых условных программ. Наиболее часто такие программы используются в области борьбы с безработицей и бедностью.

Это означает, что получатели социальной поддержки в той или иной форме должны соблюдать определенные требования. Причем если раньше условия включали принадлежность к определенной группе или оценку материального положения получателя, то в последнее время получило распространение именно требование определенного поведения. Это созвучно современному патернализму, так как люди должны вести себя определенным образом, соответствовать принятым в обществе представлениям, иначе их поведение должно быть скорректировано. То есть подразумевается наличие некоего эталона поведения в современном обществе, который отражает ценности мейнстрима, обусловленные рыночной парадигмой, и подчеркивает важность личной ответственности. А последняя в настоящее время становится объектом государственной политики.

Современный патернализм, с одной стороны, затрагивает вопросы государственного воздействия на индивидуальные решения, а с другой – уделяет внимание мотивации акторов в социальной политике. Поведенческий подход, объясняющий проблемы граждан нерациональным поведением и, соответственно, предлагающий их преодоление путем изменения поведения, пусть даже мягкими мерами, – неизбежно способствует усилению индивидуальных подходов, оставляя без внимания факторы, действующие на уровне общества.

Показательно, что в здравоохранении все популярнее становится идея об ответственности человека за свое здоровье, подчеркивается важность фактора его личного поведения, что хорошо прослеживается в области пропаганды здорового образа жизни. Однако при всей кажущейся логичности такого подхода нельзя не отметить, что его применение в здравоохранении вызывает сомнение, так как сама возможность вести здоровый образ жизни не всегда зависит непосредственно от человека. Для этого нужны соответствующие социально-экономические условия – определенный уровень жизни, образования, жилищные условия и т.д.

Таким образом, в теории современный патернализм как продукт мейнстрима, пытающийся примирить его с необходимостью влияния на решения граждан в интересах повышения их благосостояния, подвергается критике в рядах и сторонников, и оппонентов мейнстрима. На практике же он становится проводником новых подходов в социальной политике, связанных с усилением акцента на поведенческих аспектах понимания проблем благосостояния граждан в отрыве от социально-экономического контекста современного общества.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плискевич Н.М. (2019) Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // ВТЭ. № 1. С. 100–116.
- Рубинштейн А.Я. (2008) Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. СПб.: Алейтея.
- Рубинштейн А., Городецкий А. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. Т. 10. № 4. С. 38–57.
- Степин В.С. (2003) Саморазвивающиеся системы и постнеоклассическая рациональность // Вопросы философии. № 8. С. 10–20.
- Чубарова Т.В. (2015) Политэкономическое введение в социальную политику. Научный доклад. М.: ИЭ РАН.
- Anker T.B. (2016) Analysis of the Paternalistic Justification of an Agenda Setting Public Health Policy: The Case of Tobacco Plain Packaging // Public Health Ethics. Vol. 9. No. 2. Pp. 208–228.
- Beck U. (1992) Risk Society: Towards a New Modernity. Publications. London: SAGE.
- Brennan G., Lomasky L. (1983) Institutional Aspects of Merit Goods Analysis // Finanzarchiv. Vol. 41. No. 10. Pp. 183–206.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. (2003) Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for "Asymmetric Paternalism" // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 15. No. 3. Pp. 1211–1245.
- Cserne P. (2012) Freedom of Contract and Paternalism Prospects and Limits of an Economic Approach. London: Palgrave Macmillan.
- Fehér F. (1982) Paternalism as a Mode of Legitimation in Soviet-type Societies // Rigby T.H., Fehér F. (eds) Political Legitimation in Communist States. St Antony's/Macmillan Series. London: Palgrave Macmillan. Pp. 64–81.
- Juurikkala O. (2013) The New Legal Paternalism: Light-Touch Regulation for Consumer Mortgages // Helsinki Law Review. No. 1. Pp. 55–84.
- Gilbert C., Henry E. (2012) La définition des problèmes publics: entre publicité et discrétion // Revue française de sociologie. Vol. 53. No. 1. Pp. 35–59.
- Grill K. (2012) Paternalism // Chadwick R. (ed.) Encyclopedia of Applied Ethics, 2d ed., San Diego: Academic Press, Elsevier Inc.
- Kirchgaessner G. (2015) Soft Paternalism, Merit Goods, and Normative Individualism (June 17, 2015). U. of St.Gallen Law & Economics Working Paper No. 2015-05.
- Le Grand J., New B. (2015) Government Paternalism: Nanny State or Helpful Friend? Princeton Univ. Press.
- Marshall T (1950) Citizenship and Social Class and Other Essays. New York: Cambridge Univ. Press.
- Neubourg C., Weigand C. (2000) Social policy as social risk management // Innovation: the European Journal of Social Sciences. Vol. 13. No. 4. Pp. 401–412.
- Sunstein C., Thaler R. (2003) Libertarian Paternalism // Am.Econ. Rev. Vol. 93. No. 2. Pp. 175–179.
- Thaler R., Sunstein C. (2008) Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven: Yale Univ. Press.
- Taylor-Gooby P. (2011) Does risk society erode welfare state solidarity? // Policy & Politics. Vol. 39. No. 2. Pp. 147–161.
- Weigle M.A. (1994). Review: Russian Workers and the State: Social Contract or Paternalism? // The Review of Politics Vol. 56. No. 4 (Autumn). Pp. 809–813.
- van Oorschot W.J.H. (2000) Who should get what, and why? On deservingness criteria and the conditionality of solidarity among the public // Policy and Politics: Studies of local government and its services. Vol. 28. No. 1. Pp. 33–48.
- Zinn J., Taylor-Gooby P. (2006) Introduction: Learning about Risk. Forum Qualitative Sozialforschung // Forum: Qualitative Social Research. Vol. 7. No. 1. Art. 24.

REFERENCES

- Anker T.B. (2016) Analysis of the Paternalistic Justification of an Agenda Setting Public Health Policy: The Case of Tobacco Plain Packaging. *Public Health Ethics*, vol. 9, no. 2, pp. 208–228.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Publications SAGE.
- Brennan G., Lomasky L. (1983) Institutional Aspects of Merit Goods Analysis. *Finanzarchiv*, vol. 41, no. 10, pp. 183–206.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. (2003) Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for "Asymmetric Paternalism". *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 15, no. 3, pp. 1211–1245.
- Chubarova T. (2015) *Politekonomicheskoe vvedeniye v sotsial'nyuyu politiku*. [Political-economic introduction to social policy]. Nauchnyy doklad. Moscow: IE RAN.
- Cserne P. (2012) *Freedom of Contract and Paternalism Prospects and Limits of an Economic Approach*. London: Palgrave Macmillan.
- Fehér F. (1982) Paternalism as a Mode of Legitimation in Soviet-type Societies. Rigby T.H., Fehér F. (eds) *Political Legitimation in Communist States*. St Antony's/Macmillan Series. London: Palgrave Macmillan, pp. 64–81.
- Juurikkala O. (2013) The New Legal Paternalism: Light-Touch Regulation for Consumer Mortgages. *Helsinki Law Review*, no. 1, pp. 55–84.
- Gilbert C., Henry E. (2012) La définition des problèmes publics: entre publicité et discrétion. *Revue française de sociologie*, vol. 53, no. 1, pp. 35–59.
- Grill K. (2012) Paternalism. Chadwick R. (ed.) *Encyclopedia of Applied Ethics*, 2d ed. San Diego: Academic Press. Elsevier Inc.
- Kirchgaessner G. (2015) *Soft Paternalism, Merit Goods, and Normative Individualism (June 17, 2015)*. U. of St. Gallen Law & Economics Working Paper No. 2015-05.
- Le Grand J., New B. (2015) *Government Paternalism: Nanny State or Helpful Friend?* Princeton Univ. Press.
- Marshall T (1950) *Citizenship and Social Class and Other Essays*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Neubourg C., Weigand C. (2000) Social policy as social risk management. *Innovation: the European Journal of Social Sciences*, vol. 13, no. 4, pp. 401–412.
- Pliskevich N. (2019) Arkhaika institutov i arkhaika paternalizma: yest' li vzaimosvyaz'? [Archaic of institutions and the archaic of paternalism: is there a relationship?]. *VTE*, no. 1, pp. 100–116.
- Rubinshteyn A. Ya. (2008) *Economico-obshchestvennyye preferentsii. Struktura i evolyutsiya sotsialnogo interesa* [Economics of public preferences. Structure and evolution of social interest]. St-Peterburg: Aletheia.
- Rubinshteyn A., Gorodetskiy A. (2018) Gosudarstvennyy paternalizm i paternalistskiy proval v teorii opekayemykh blag. [State paternalism and paternalistic failure in the theory of protected goods]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy*, vol. 10, no. 4, pp. 38–57.
- Stepin V.S. (2003) Samorazvivayushchiyesya sistemy i postneoklassicheskaya ratsional'nost' [Self-developing systems and post-neoclassical rationality]. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 10–20.
- Sunstein C., Thaler R. (2003) Libertarian Paternalism. *Am.Econ. Rev.*, vol. 93, no. 2, pp. 175–179.
- Thaler R., Sunstein C. (2008) *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Taylor-Gooby P. (2011) Does risk society erode welfare state solidarity? *Policy & Politics*, vol. 3, no. 2, pp. 147–161.
- Weigle M.A. (1994). Review: Russian Workers and the State: Social Contract or Paternalism? *The Review of Politics*, vol. 56, no. 4 (Autumn), pp. 809–813.
- van Oorschot W.J.H. (2000) Who should get what, and why? On deservingness criteria and the conditionality of solidarity among the public. *Policy and Politics: Studies of local government and its services*, vol. 28, no.1, pp. 33–48.
- Zinn J., Taylor-Gooby P. (2006) Introduction: Learning about Risk. *Forum Qualitative Sozialforschung. Forum: Qualitative Social Research*, vol. 7, no. 1, Art. 24.